
РЕЦЕНЗИИ

ST. NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA.

WZORCE TEKSTÓW USTNYCH W PERSPEKTYWIE ETNOLINGWISTYCZNEJ

LUBLIN: WYDAWNICTWO UNIwersYTETU MARII CURIE-SKŁODOWSKIEJ, 2007. 452 S.

СТ. НЕБЖЕГОВСКА-БАРТМИНЬСКА. МОДЕЛИ УСТНЫХ ТЕКСТОВ

В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ЛЮБЛИН: ИЗД-ВО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. МАРИИ КЮРИ-СКЛОДОВСКОЙ, 2007. 452 с.

В польской гуманитарной науке изучение текста имеет давнюю и устойчивую традицию. По инициативе и под руководством Марии Ренаты Майеновой более сорока лет тому назад были начаты многоплановые исследования, рассматривающие текст в его формальной и смысловой целостности, с учетом его языковой субстанции, структурной организации, его поэтики и коммуникативной природы. Главным импульсом к этим начинаниям было стремление использовать возможности лингвистического и семиотического подхода к тексту (лингвистики текста) для изучения разнообразных в жанровом отношении текстов литературы, фольклора, древней письменности. Первым сборником, привлечшим к себе большое внимание как лингвистов, так и литературоведов, была знаменитая “Поэтика” [1]. Уже в 1969 г. ученица М.Р. Майеновой Анна Вежбицка в своей книге “Семантические разыскания” посвящает одну из глав проблеме семантической связности текста [2]. В дальнейшем польская текстология¹ обогатилась целой серией сборников, посвященных тексту [3–14], которые послужили стимулом для новых текстологических исследований; появились также монографии, принадлежащие в основном ученикам и последователям М.Р. Майеновой (см. [15–25] и др.), и десятки статей, обсуждающих теоретические вопросы текстологии и предлагающих анализ конкретных разговорных, литературных или фольклорных текстов².

Теоретические работы в области лингвистики текста базируются на текстах разных типов, разных жанров и стилей, и от ориентации на тот или

иной тип текста во многом зависят принимаемые авторами этих работ теоретические постулаты, а также выделяемые ими в качестве релевантных параметры, аспекты, функции текста. До недавнего времени в сферу внимания теоретиков лингвистической текстологии не были включены тексты фольклора. Рецензируемая монография люблинской исследовательницы Станиславы Небжеговской-Бартминьской заполняет эту существенную лауну, расширяя и углубляя понимание фольклорного текста сразу в нескольких отношениях – в общей парадигме лингвистики текста, в рамках текстологии фольклора и в перспективе этнолингвистики в той ее версии, которая разрабатывается в Люблине школой Ежи Бартминьского [27].

Книга состоит из четырех частей. Первая часть посвящена теоретическим аспектам текстологии, последующие три части задают перспективу рассмотрения моделей фольклорного текста на трех уровнях: в рамках отдельного текста, отдельного жанра и межжанрового пространства.

В **первой**, теоретической части (“Теоретические проблемы”) дается обстоятельный анализ основных понятий текстологии и применяемых в лингвистике, литературоведении и фольклористике подходов к изучению текста. Вначале с помощью когнитивной методики реконструируется **языковой образ текста** на основе типичных употреблений слова *текст* в польском языке: текст обнаруживает связь с понятием стиля (разговорный, литературный, научный и т.д. текст), видов речи (устный, письменный), речевых жанров (текст поздравления, заявления, молитвы, песни и т.д.); у текста есть его создатель, автор, отправитель; текст является продуктом творческой деятельности (создается, сочиняется, пишется); над текстом производятся разного рода операции (он редактируется, сокращается, резюмируется, сравнивается с другими текстами, переводится на другой язык и т.д.); у текста есть адресат (слушатель, читатель); текст употребляется в опреде-

¹ В отличие от нашего преимущественно эдиционного понимания текстологии, польские исследователи включают в текстологию весь круг проблем, связанных с изучением текста, т.е. теорию текста, структуру текста, лингвистику текста и прикладную текстологию (систематику текстов, издание, перевод, аннотирование и другие операции с текстом и над текстом).

² О польских работах 70-х годов см. в обзоре Э. Янус [26].

ленных ситуациях (произносится, исполняется, передается и т.п. в том или ином месте, в то или иное время, по тому или иному случаю); текст имеет свою структуру и композицию; он может быть пространным или коротким, он имеет тему; текст получает разнообразные оценки (связный, логичный, отрывочный, яркий, острый, злой, пустой, вульгарный и т.п.); он может быть объектом изучения и т.д. Текст концептуализируется в языке с помощью ряда метафор – технологического ремесла, плетение словес, рифмоплет, шлифовка текста и т.п.), кулинарной (пикантный, водянистый, густой, неудобоваримый текст, проглотить текст, пища духовная и т.п.), строительной (построение текста, план, уровни текста), вегетативной (незрелый, цветистый текст), музыкальной (громогласный, сменить пластинку, затронуть струны, трубить о чем-л., барабанить и т.п.) и др.

Во втором разделе первой части обсуждается понятие **устного текста** и категория устности в культуре, аксиологичность устного текста, его коммуникативная природа, адресованность текста, его диалогичность, ситуативность, а также специальные техники устной речи, приемы сегментации и интеграции устного текста, такие его характерные особенности, как наличие повторов, формульность, ключевые слова, мнемонические механизмы и др.

Третий раздел посвящен одному из центральных понятий текстологии – **мотиву**. В книге дается весьма информативная сводка и обстоятельный анализ различных пониманий и определений мотива в работах по литературоведению и фольклористике (А.Н. Веселовский, Б.В. Томашевский, В.Я. Пропп, К. Бремон, А. Аарне и С. Томпсон, Ю. Кржижановский, В.Н. Топоров, Б.Н. Путилов). Анализируются также лингвистические определения мотива (Е. Пельтц, И.И. Ревзин, С. Кароляк, К. Полянский, А. Авдеев) и др., среди которых предпочтение отдается трактовке мотива в концепции Е. Бартминьского, разработанной им для “Словаря народных стереотипов”. Мотив, понимаемый как минимальный контекст, “предложение, выражающее стереотипное суждение о предмете, понятное без знания других суждений” [28, S. 28] (например, “солнце – это светило”), служит в этой концепции инструментом экспликации стереотипа (о понятии стереотипа в люблинской этнолингвистике см. [29]). Ст. Небжеговска-Бартминьска рассматривает также функции мотива в тексте – конструктивную (мотив как компонент сюжета), информационно-поисковую (мотив как “бродячая” единица разных сюжетов), экспликативную (мотив как выразитель “содержания” стереотипа), моделирующую (роль мотива в реконструкции модели текста).

В последнем разделе этой части рассматривается ключевое для всего исследования понятие **модели текста**. Понимание текста, из которого исходит Ст. Небжеговска-Бартминьска, было сформулировано Е. Бартминьским в его программной статье “Текст как предмет лингвистической текстологии”: “Я исхожу из того, что текст – это сверхфразовая языковая единица, макрознак, имеющий определенные жанровые и стилистические признаки (квалификатор текста), поддающийся целостной семантической и коммуникативной интерпретации, отличающийся структурной интегральностью и семантической связностью и допускающий внутреннее семантическое членение, а в случае более пространных текстов также логическое и композиционное. В этом смысле текст – это не только конструкция из языковых единиц (слов, предложений), но продукт языка (в смысле Богуславского), продукт сложной полифонической структурой” [30, S. 17]. Подобно тому, как предложение, будучи единицей языка, воплощает определенные структурные модели, тексту как единице языка следующего, более высокого ранга соответствуют свои структурные модели, называемые в концепции Бартминьского *текстемами* и понимаемые как единицы эмического уровня: *текст* и *текстема* соотносятся как конкретная (контекстно или ситуативно обусловленная) и абстрактная (принадлежащая системе языка) единицы по аналогии с соотношением: *звук* и *фонема*, *морф* и *морфема*, *словоформа* и *слово* (*лексема*), *высказывание* и *предложение* [30, S. 17]³.

Такого рода аналогия, при всей ее привлекательности, затушевывает некоторые важные различия между единицами, воспроизводимыми в речи в “готовом виде” (фонема, морфема, слово), и “креативными” единицами, создаваемыми, творимыми в процессе речевой деятельности (предложение, текст); первые на эмическом уровне представлены своими реальными (“сильными”) вариантами, вторые же – предполагающими разное материальное воплощение “абстрактными”

³ Заметим, однако, что соотношение *высказывание* – *предложение* не равнозначно соотношению *текст* – *текстема*. Если высказывание – это ситуативно (коммуникативно) обусловленный коррелят “абстрактного” (т.е. отвлеченного от ситуации употребления) предложения, то текстема как “абстрактному” тексту должно было бы соответствовать “исполнение” (произнесение) текста в конкретной речевой ситуации, т.е. тексту следовало бы понимать как вербальный продукт, оторванный от коммуникативной ситуации (например, записанный фольклорный текст); но если текстема понимается как модель (схема, правила) построения текста, то аналогией ей будет не само предложение, а модель построения предложения. В другом месте той же работы Е. Бартминьского [30., S. 18] и в книге Ст. Небжеговской-Бартминьской (S. 100) текстема сопоставляется не с высказыванием, а с “синтаксическими схемами” (*schematy składniowe*) предложения, что представляется более корректным.

схемами (моделями, правилами); первые являются строительными единицами языкового кода (“словаря”), вторые – “продуктами” речевой деятельности. Отношение текста к предложению, часто служащее отправной точкой лингвистических исследований текста, при обращении к фольклорному тексту нуждается в еще одной важной аналогии – между фольклорным, клишированным текстом и – фразеологией: в обоих случаях мы имеем дело с явлениями, совмещающими в себе свойства “продуктов” и устойчивых, воспроизводимых в целостном виде единиц, которые, подобно фонемам, морфемам, словам, могут быть “инвентаризированы”, представлены в виде относительно полного словаря (фразеологии) или корпуса (фольклорных текстов); такого рода “инвентаризация” (исчисление) принципиально невозможна для предложений и “свободных” текстов.

В рецензируемой книге термин *текстема* практически не используется; вместо него употребляется термин *wzorzec* (буквально ‘образец’), который фигурирует и в названии книги⁴. Этот ключевой для всего исследования термин, восходящий, как и *текстема*, к немецкой текстологической традиции, сохраняет отчетливую связь с понятием речевой деятельности (“образец”, на который ориентируется создатель текста и его реципиент) и концептуальным аппаратом когнитивной лингвистики. Ст. Небжеговска-Бартминьска, не претендуя на строгое следование какой-либо определенной теории, дает следующее определение: «под моделью (*wzorzec*) я понимаю понятийную схему текста, на которую “ориентируется” как отправитель в процессе произнесения текста, так и слушатель в процессе его восприятия, схему, которая становится нормой для коммуникации носителей языка – отправителей и получателей – и служит ориентиром для обеих сторон в процессе социального общения. Модель порождает тексты с близкой логической структурой, и/или сходной композицией, и/или имеющие однотипные тематические связи» (S. 104).

Модель текста (*wzorzec*), таким образом, подразумевает несколько аспектов: логический (логическая природа компонентов текста и их связи), композиционный (формальные схемы построения текста), тематический (правила следования и связи тематических блоков текста), интенциональный и идейный (иллокутивная цель текста, его речевой жанр, ведущая “идея”, которую хочет донести до слушателя автор и исполнитель текста). Сущность и продуктивность понятия модели для текстологии автор далее раскрывает в трех

последующих частях книги соответственно на трех уровнях: на уровне конкретных фольклорных текстов, записанных фольклористами во множестве вариантов; на уровне разных текстов, относящихся к одному жанру, и на уровне текстов, относящихся к разным жанрам фольклора.

Вторая часть книги (“Уровень текста и его вариантов”) состоит из трех разделов, каждый из которых посвящен анализу одного конкретного текста – лечебного заговора, рождественской колядки и волшебной сказки. Выбранные для детального анализа жанры и конкретные тексты, засвидетельствованные во множестве вариантов, благодаря своей жесткой структуре, отчетливой прагматике и неплохой изученности, дают возможность реконструировать лежащие в их основе модели и продемонстрировать разработанную автором методику анализа. Сначала каждый текст исследуется со стороны его “внешней” структуры: путем сопоставления нескольких (в идеале всех известных) вариантов одного текста устанавливается его “морфология”, т.е. определяется совокупный (максимальный) набор сегментов, на которые делится текст. Например, для лечебного заговора “Ехал Пан Езус на ослике” это: 1) молитвенное вступление, 2) введение персонажей мифологического мира и описание их действий, 3) обращение к болезни (главная формула лечения), 4) апелляция к высшим силам для усиления магического действия, 5) молитвенное заключение. Для рождественской колядки “Заглась на небе дивная звезда” это: 1) призыв (приглашение) к колядованию, 2) сообщение о чудесном событии рождения Христа и символизирующих его знаках (“чудная звезда”), 3) сообщение о пути Трех королей в Вифлеем, 4) диалог с Марией (“где ты его родила, где ты его купала, во что повивала, кто его крестил и т.д.”), 5) сообщение о приходе Трех королей и их дарах младенцу, 6) выражение радости в связи с чудесным рождением.

Затем проводится “внутренний” анализ вариантов текста: выделяются “текстовые морфемы” (мотивы) и их варианты, определяется последовательность сегментов и мотивов, их сочетаемость и представленность (частота) каждого в исследуемом корпусе вариантов. Завершается каждый раздел реконструкцией “картины мира”, стоящей за текстом: анализируется состав персонажей, их действий и слов, характеризуется хронотоп текста, устанавливается главная “интенция” текста (например, для лечебного заговора – изгнание болезни, для рождественской колядки – магическое наделение здоровьем и жизненными благами людей) и “частные” цели отдельных сегментов заговора (например, цель молитвенного вступления и заключения в заговоре – заручиться поддержкой высших сил, сакрализовать действия лица, произносящего заговор). Именно главная интенция

⁴ На русский язык этот термин естественнее всего перевести как модель, тем более, что и в польском научном дискурсе термины *wzorzec* и *model*, как отмечает автор книги, употребляются как синонимичные.

текста, его ведущий мотив и идея делают текст “макрознаком”, например, в колядке, прославляющей чудо рождения Христа, это вера в “реальность чуда и чудесные свойства рождественского времени” (S. 133); в сказке “Муж – уж” главная идея, по мнению автора, – этическая: удача и вознаграждение достается тому, кто сознательно действует во благо другого, жертвуя собственным благом (девушка отправляется за целебной водой для больного отца или матери, добывая ее ценой обещания змею стать его женой, становится его женой, змей обращается в прекрасного принца).

В третьей части книги (“Уровень жанра”) те же параметры и аспекты текста рассматриваются применительно к жанру в целом. Для заговоров как вида “магической поэзии” главной, по мнению автора, является идея ритуального повторения. Подробный анализ структуры и семантики заговорного текста, реконструкция отраженной в нем архаической картины мира (сакральные персонажи, их атрибуты и действия, мифическое пространство и время, образ болезни как “персонажа”, действующего во вред человеку), соотношение вербального текста с сопровождающими его действиями позволяют определить главную “интенцию” заговора как “поддержание и защиту жизненного порядка в целом” путем апелляции к миру высших сил и “повторению” совершавшихся в сакральном пространстве и в сакральное (“первое”) время действий. В сущности та же главная интенция поддержания космического порядка и гармонии мира выражается в колядке, но в этом жанре она дополняется идеей преображения мира, установления новой жизни чудесным рождением Христа и самим праздником Рождества. Сказка как жанр, независимо от типа (сказки о животных, этиологические, волшебные сказки), по мнению автора, несет в себе идею “солидарности” человека с природой, идею “правильного” поведения человека, утверждает традиционные ценности в мире людей, нормативные социальные связи и отношения (S. 283–284).

Собственно модели фольклорных текстов определяются и анализируются в последней, **четвертой части** книги (“Межжанровый уровень”), хотя отсылки к ним появляются и в предыдущей части при характеристике жанров. Вслед за Л. Выготским Ст. Небжеговска-Бартминьска называет одну из самых распространенных в фольклоре моделей **комплексом**, обозначающим способ объединения предметов в группы на основе общего признака (например, в колядке представлен комплекс “сад – яблоня – ветки – яблоки”). Различаются комплексы трех видов: **ассоциативный** (например, в заговоре: “мужчина – женщина – парень – девушка – ребенок”), **цепочечный** (ср. загадки типа русской “Стоят вилы, на вилах грабли, на граблях реву, на реву сапун, на сапуне

глядун, на глядуне роща, а в роще свиньи роются (человек)”) и **коллекция** (т.е. ряд однородных предметов: “солнце – месяц – звезды”, “голова – руки – ноги и т.д.” или действий и событий: “пахать – боронить – сеять – поливать – жать”). Комплексы могут строиться по принципу горизонтального или вертикального сужения образа, а также по модели матрешки (или **шкатулки**), т.е. по принципу “вкладывания” (например, “терем – светелка – окошко – под окошком девушка”). Все эти модели имеют в фольклорном тексте не только композиционную, но и содержательную функцию. По поводу этих моделей или, скорее, механизмов (приемов), используемых в построении текста, можно высказать два соображения в дополнение к интерпретации, данной в книге. Во-первых, коллекции могут быть не только предметными и событийными, но и атрибутивными, например, в заговорах нередко встречается “цветовой” ряд: “красный – зеленый – желтый – синий и т.д.”. Во-вторых, сами перечни, воссоздающие целое или представляющие собой “изофункциональный” ряд взаимозаменяющих предметов или действий, могут иметь (особенно в заговорах) магическую функцию усиления, умножения ради “исчерпания” и преодоления (опасной) ситуации.

Кроме комплексов и коллекций, в книге рассмотрены модели противительного типа, называемые **оппозициями** (умный – глупый, богатый – бедный и т.п.) и **зеркалом** (в рождественской колядке “колокола сами звонят – костелы открываются – свечи зажигаются – органы играют и т.д.”, а после службы “органы замолкают, свечи гаснут, колокола перестают звонить, костелы закрываются”). По мнению автора, эти приемы расширяют и углубляют пространство текста, но также и обнажают внутреннюю логику событий. Можно еще добавить, что они создают эффект равновесия и устойчивости мира.

Несколько выпадает из ряда моделей то, что названо в книге **числовым концептом** (koncept liczbowy). Наличие в фольклорных текстах числовой символики не подлежит никакому сомнению, однако, как кажется, о числовой модели можно говорить лишь тогда, когда числовой ряд является содержательной или композиционной основой текста и подчинен его главной “идее”. Таков, например, в заговорах нисходящий счет, служащий магическим способом сведения на нет опасности; таковы тексты, называемые “повестью чисел” (“Что есть один, что есть два? и т.д.”) [31], такова роль троичности в фольклорных текстах: три брата, три раза, три дороги и т.д. (см. подробнее о числовых моделях в текстах [32–35]). К числовым моделям близки перечни годовых праздников [36] или дней недели [37], которым приписываются в заговорах и других текстах магические функции. Но вряд ли можно говорить о

модели текста применительно к загадкам с отгадкой “год” (типа рус. “Стоит дуб о двенадцати ветвях; на каждой ветви по четыре гнезда, а в каждом гнезде по шести простых яиц, а седьмое красное”), где числа 12, 4, 7 (или 6) мотивируются структурой календаря и потому, строго говоря, не несут самостоятельной семантической или конструктивной нагрузки в тексте.

Универсальным и самым простым способом организации текста является логическая и временная **последовательность событий**. Эта модель, соответствующая пропповской устойчивой последовательности сказочных “функций” (в концепции Ст. Небжеговской-Бартминьской ей соответствует последовательность мотивов), используется не только в сказке, но и в других фольклорных жанрах: балладе, быличке, обрядовых песнях и др. События или действия персонажей чаще всего выстраиваются в “естественном” порядке (например, в свадебных караваных песнях они составляют ряд: “молотьба жита – помол – просеивание муки – принесение воды – замешивание теста – выметание печи – сажание хлеба в печь – печение – вынимание готового хлеба”), но в некоторых текстах сама эта последовательность в ее завершенности может стать главной “идеей” и наделяться магической способностью – продуцирующей или защитной (таковы, например, тексты с мотивом “жития” растений, хлеба, глиняного горшка и т.п. – см. [38]).

Языковой категории синонимии соответствует в фольклорной текстологии явление (модель) равнозначности (или **эквивалентности**), наблюдаемое как при сопоставлении вариантов одного текста (например, в одной и той же текстовой позиции: “быстрая вода – чистая вода – холодная вода – мутная вода”), так и в пределах одного текста (например, в заговоре болезнь отсылают “на боры, на леса, на пустые места, на болота”, где все перечисляемые локусы равнозначны в своей семантике и функции “чужого”, “иномирного” пространства).

Последней рассматривается модель, впервые описанная и интерпретированная автором и названная **семантической петлей**. Речь идет о широко распространенном в фольклорных текстах разных жанров рекурсивном механизме построения текста, т.е. о конструкции, основанной на “возвращении” к первому фрагменту, который несколько раз повторяется с заменой одного из его компонентов на новый (ср. структуру сказок типа “Колобка” или “Репки”).

Описанные в книге модели фольклорного текста обладают двумя существенными с точки зрения текстологии свойствами: во-первых, они универсальны, т.е. не закреплены за какими-то отдельными текстами или определенными жанрами, хотя каждый жанр может характеризовать-

ся своим набором и предпочтением одних моделей перед другими; во-вторых, в каждом отдельном тексте могут быть представлены разные модели (несколько моделей) одновременно (например, семантическая петля сочетается с комплексом, коллекцией, последовательностью событий и т.п.). Это означает, что такие модели являются не столько “абстрактными текстами”, единицами эмического уровня (текстемами), соответствующими целому тексту, сколько отдельными, “частными” схемами, лежащими в основе текста, и что моделью фольклорного текста в общем понимании слова *модель* должна быть более сложная конструкция, репрезентирующая текст в его целостности и включающая разные модели в смысле Ст. Небжеговской-Бартминьской в их иерархии и структурном соотношении. В теоретическом плане здесь остается еще немало вопросов, но сами эти вопросы могут быть поставлены уже на следующем этапе осмысления природы фольклорного текста, с учетом того глубокого анализа, который предложен в рецензируемой книге.

Книга Ст. Небжеговской-Бартминьской по своей обстоятельности, насыщенности содержанием, по глубине и полноте анализа, по логической стройности и ответственности каждого положения и каждого вывода сама по себе может служить “образцом” (*wzorzec*) многопланового текстологического исследования. Она будет безусловно востребована славистами и как систематическая сводка мнений по основным понятиям и подходам текстологии, и как источник новых идей и наблюдений над фольклорными текстами и жанрами, их структурой и содержанием, их типологией.

На заднюю обложку книги вынесены слова рецензента – известного польского фольклориста проф. К. Вроцлавского: “Исследование занимает место на пограничье взаимодействующих между собой дисциплин: языкознания, фольклористики и близкородственной им этнолингвистики. Оно вносит существенный вклад в каждую из них”. С этой высокой оценкой, безусловно, следует согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mayenowa M.R.* (red.). *Poetyka – Poetics*. Warszawa, 1961.
2. *Wierzbicka A.* O spójności semantycznej tekstu wielozdaniowego // *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław, 1969.
3. *Mayenowa M.R.* (red.). O spójności tekstu. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971.
4. *Mayenowa M.R.* (red.). *Tekst i język. Problemy semantyczne*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.
5. *Mayenowa M.R.* (red.). *Semantyka tekstu i języka*. Wrocław, 1976.

6. *Mayenowa M.R.* (red.). *Tekst, język, poetyka*. Wrocław, 1978.
7. *Dobrzyńska T., Janus E.* (red.). *Tekst a zdanie*. Wrocław, 1983.
8. *Abramowicz M., Bartmiński J.* (red.). *Tekst ustny – texte oral. Struktura i pragmatyka – problemy systematyki – ustność w literaturze*. Lublin, 1989.
9. *Dobrzyńska T.* (red.). *Teoria tekstu*. Wrocław, 1986.
10. *Dobrzyńska T.* (red.). *Tekst w kontekście*. Wrocław, 1990.
11. *Dobrzyńska T.* (red.). *Typy tekstów*. Warszawa, 1992.
12. *Dobrzyńska T.* (red.). *Tekst i jego odmiany*. Warszawa, 1996.
13. *Bartmiński J., Boniecka B.* (red.). *Tekst. Problemy teoretyczne*. Lublin, 1998.
14. *Bartmiński J., Boniecka B.* (red.). *Tekst. Analizy i interpretacje*. Lublin, 1998.
15. *Dobrzyńska T.* *Delimitacja tekstu literackiego*. Wrocław, 1974.
16. *Dobrzyńska T.* *Tekst. Próba syntezy*. Warszawa, 1993.
17. *Bartmiński J.* *Folklor – język – poetyka*. Wrocław; Kraków, 1990.
18. *Boniecka B.* *Lingwistyka tekstu. Teoria i praktyka*. Lublin, 1999.
19. *Mazur J.* *Organizacja tekstu potocznego. Na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego*. Lublin, 1986.
20. *Miczka E.* *Kognitywne struktury sytuacyjne i informacyjne w interpretacji dyskursu*. Katowice, 2002.
21. *Ostaszewska D.* *Organizacja tekstu a problem gromadzenia i scalania jego informacji*. Katowice, 1991.
22. *Ożóg K.* *Leksykon metatekstowy współczesnej polszczyzny mówionej. Wybrane zagadnienia*. Kraków, 1990.
23. *Wilkoń A.* *Spójność i struktura tekstu. Wstęp do lingwistyki tekstu*. Kraków, 2002.
24. *Witosz B.* *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki*. Katowice, 2005.
25. *Zydek-Bednarczyk U.* *Wprowadzenie do lingwistycznej analizy tekstu*. Kraków, 2005.
26. *Янус Э.* Обзор польских работ по структуре текста // *Синтаксис текста* / Отв. ред. Г.А.Золотова. М., 1979.
27. *Толстая С.М.* Этнолингвистика Ежи Бартмиńskiego // *Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
28. *Bartmiński J.* *Założenia teoretyczne słownika // Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny*. Wrocław, 1980.
29. *Бартминский Е.* Стереотип как предмет лингвистики // *Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
30. *Bartmiński J.* *Tekst jako przedmiot tekstologii lingwistycznej // Tekst. Problemy teoretyczne / Red. J. Bartmiński, B. Boniecka*. Lublin, 1998.
31. *Толстая С.М.* “Повесть чисел” в южнославянской устной и письменной традиции // *Восток и Запад в балканской модели мира: Памяти В.Н. Топорова*. М., 2007.
32. *Топоров В.Н.* О числовых моделях в архаичных текстах // *Структура текста*. М., 1980.
33. *Топоров В.Н.* Число и текст // *Структура текста-81. Тезисы симпозиума*. М., 1981.
34. *Топоров В.Н.* Заметка о числовом коде русских загадок // *Число. Язык. Текст. Сб. статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна*. Минск, 1998.
35. *Топоров В.Н.* Числовой код в заговорах. По материалам сборника Л.Н. Майкова “Великорусские заклинания” // *Заговорный текст. Генезис и структура*. М., 2005.
36. *Толстая С.М.* Магия годового круга // *Живая старина*. 2006. № 4.
37. *Толстая С.М.* Дни недели в народной магии // *Живая старина*. 2008. № 2.
38. *Толстая С.М.* “Житие” растений и предметов // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого*. М.: “Международные отношения”, 1999. Т. 2. Д – Крошки. С. 220–222.

С.М. Толстая